

ЛЕТАТ, рассекая ледяной воздух, сани, то проваливаясь в рыхлые сугробы, то выбираваясь на твердый, слежавшийся снег. Коня тянут спокойно и уверенно, вытопт, пересекая дорогу, тонкие струйки поземки. В санях — трое. Чутьочку рассеянно следит за бегущей ниточкой колеи Дмитрий Михеевич Иванов (мысленно он уже там, в райцентре, по своим сельсоветским делам, где он председателем), рукавицы плотно обхватив, заглядывая в такт движению, прятая лицо от встречного ветра, его жена Зоя Ефимовна — сельская учительница, рядом — ее подруга, тоже педагог.

Позади скользят еще одни сани, человек напряженно приставил над облудком, покусывая побелевшие губы, нетерпеливо и молча подгоняет. Не видели трое, как человек, одной рукой придерживая коней метрах в двадцати позади, натягивая вздрагивающие вожжи, плавно выворачивал на обочину, другой шарил под кошкой в ворохе сбитой в комок соломы. Потом встал в полный рост, несколько раз подпрыгнул в его руках обрез. Навзничь, на спину завалилось тело Дмитрия Михеевича, в последний раз плеснулось в глаза серосвинцовое, с прожилками света небо...

Сурово и скорбно звучали на траурном митинге слова о мести классовым врагам, о беспощадности борьбы, надтреснутую звенели в морозном воздухе оркестровые трубы. На плечи людей, на знамена, на дно выбитой в закаменевшем грунте могилы летел медленный снег. Холодная слезинка повисла на щеке старшего сына Дмитрия Иванова — Александра. Потом мать долгими зимними вечерами будет рассказывать сыновьям о его промелькнувшей, как метеор, насыщенной сполохом легендарных 20-х годов жизни. Мальчишкой остался Дмитрий сиротой — отец остался в окопах первой мировой войны. Когда вырос, вопроса — по которую сторону баррикад находится — для сына бедняка не существовало. Первые комсомольские рейды по борьбе с самогонщиками, потом в нагрудный карман лег билет партии большевиков. Вот он, усталый, с бессонными тенями под глазами, но с торжествующим светом в глазах идет по деревенской улице, оглядывает низенькие перекосившиеся домики, огороды и видит, что скоро совсем другой стороной повернется жизнь к крестьянину.

АЛЕКСАНДР смотрел на город, развернувшись под хмурым и тяжелым небом панорама огромного комбината, раскинувшись частокотруб, разбежалась по склонам гор улочки. Вот здесь и будет он работать. Некоторое время придется только учиться. Александр развернул повестку, по которой направляли его в 13-е ремесленное училище, прочел еще раз адрес. Перекинул через плечо тощий вещмешок. Когда шатаал, то обратил внимание, что прохожих почти нет. Сорок первый год, город на военном положении. Зачислили его в группу газозавков.

Под общежитие выделили две комнаты, жило в каждой по двадцать человек. Трудно, наверно, современному молодому человеку представить те условия — двухъярусные койки, суточный паек — 800 граммов хлеба. В цехе и завтракали, и обедали, и ужинали, приходили в общежитие и скорее ложились спать. «Чтоб есть не хотелось», — вспоминает теперь Александр Дми-

триевич. Но и насыщенной была жизнь рабочих людей — жаркие комсомольские собрания в цехе, будни... В 43-м задували 6-ю доменную печь. Дни и ночи Александр коротал там, в комсомольско-молодежном коллективе. Здесь-то и познакомился со своей Евгенией, опутницей жизни. Известие о победе пришло неожиданно, хотя ждали его со дня на день. Был в это время Иванов в цехе, помнит, как стихийно собрались рабочие, обсуждая эту новость. «Ну, вроде жизнь налаживается», — подумалось. Сорок пятый памятен и тем, что родился первенец Юрий. Думал ли тогда он, впервые поднимая на руки голосистый комочек, что Юрий (а позже и остальные Ивановы) так же, как отец и мать, начнет трудовую жизнь с доменной цеха?..

верело, навернулись на глаза слезы, вспомнила события 30-летней давности... Потом родился еще один сын — Владимир, дочь Наташа. Евгения Федоровна оставила доменный цех, окончила в домашние хлопоты. А Александр Дмитриевич был уже к этому времени мастером газового хозяйства. Много лет подряд коммунисты бригады оказывали высшее доверие — избирали партгрупоргом. В 1952, 53 и 54-м годах был он делегатом городских партийных конференций. Вот уже один за другим шли очь в школу, переходили из класса в класс, жизнь вошла в русло. Евгения Федоровна к этому времени вернулась в цех, где работает по сей день. Казалось бы, и сердце должно было биться ровно, войти в удобный ритм.

жались стружки. Умельным вырос Дмитрий, золотые руки у парня будут. Такие затейливые фигурки вырезает из дерева, что радуется глаз. Все, все стены завесил своими поделками — деревянными, весело покрашенными «негритянскими» масками. Размерно тикают часы, уютно в комнате. Создают уют, наверно, и поделки сына. И книги. Книг, наверно, не меньше, чем в иной библиотеке, — завзятый любитель почитать Александр Дмитриевич. Чуть свободная минута — он уже пошел по книжным магазинам. Только минуток-то свободных у него мало-мало. А мысли Евгения Федоровны переключились уже на сыновей. Служит где-то на восточной границе старший сын — Юрий. Пишет,

встретишь — класс в полном составе решил поступить в профессионально-техническое училище. Педагоги уговаривали продолжить учебу, мол, все условия есть для учебы, рановато еще на производство, но ребята настояли на своем. — Да, оно и к лучшему, — решил Александр Дмитриевич. Слышал он о таких молодых людях, которые только для того и идут в вуз или техникум, чтобы оттянуть день вступления в рабочую жизнь, лишь бы получить «корочки». После училища Дмитрий осваивал профессию в тресте Магнитострой, а потом подошел и срок армейской службы. По его же стопам пошел, окончив то же училище, и младший Иванов — Владимир.

— С ЛЫШИШЬ, Дмитрий. Неладно с

выходил на работу, потом подал на увольнение. — Может быть, останешься? — спросили. Махнул рукой. «Эх, молодость, молодость», — вдохнул кто-то за спиной. Около года трудится он в управлении Уралдомнаремонт. — По работе — специалист, которых поискать, — отозвался о нем мастер Маркс Хабирович Мананов, — например, недавно он отлично провернул работу на аглофабрике № 4. Сейчас он бригадир, звено его — 5 человек. — Умелец он у нас, — говорит сам Александр Дмитриевич, — но... Нет одинаковых людей, как и нет одинаковых жизненных путей. Его трудовая жизнь только началась, только начался поиск — а от этого не уйдет. Нужно найти свое место в жизни. Каким оно будет у него? Рано пока искать ответ.

И кто знает, может быть, вернется все-таки Дмитрий в тот цех, которому посвятили труд отец и мать, продолжают их дело братья. Да и показалось, когда разговаривали мы с ним, что и сам он недалеко от этого решения. Разговорились о делах в доменном цехе, оказалось, что Дмитрий в курсе всех событий там, знает, какая печь как работала, сколько было ремонтов, кто из новых горновых появился в цехе — лежит все-таки сердце к цеху... **Б**ЛЕДНОСТЬ покрыла щеки. Александр Дмитриевич сватился за грудь — остро покалывало сердце. Шел он на работу, потоптался. «Надо бы вернуться домой», — решил он. Сердце-то не шутка, был уже один инфаркт. Оглянулся на длинный ряд домен. пошатываясь, пошел назад. А пока находился на больничном, подоспело и пятидесятилетие, для доменщика это пенсионный возраст. Совпало это с летом 1975 года. К тем военным наградам за годы работы в цехе добавились новые — «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть», орден Трудового Красного Знамени. Непривычным показался отдых первое время, пропадал Александр Дмитриевич неделями в саду, «освоил», как говорится, специальность и плотника, и агронома, заправским крестьянином стал. Съездил в деревню, где живет его мать, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Зоя Ефимовна Иванова, живут сестра Александра Дмитриевича, колхозный экономист, брат, который ныне (как когда-то отец их) — председатель сельсовета. Собрались на семейную вечеринку, посидели, с легкой грустью вспомнили прошлое, помянули отца. **А**ЛЕКСАНДР Дмитриевич развернул партбилет, лежавший на столе. — Вот, таким я был тогда, в 47-м. Молодость, — улыбнувшись, он заметил, — теперь сыновья мои примерно в таком же возрасте. Уходил из цеха, даже как-то не представлялось, как домны будут там без меня. Ничего, неплохая смена на рабочих местах. В свое время, тогда в 41-м, нам тоже страшновато было заменять первое поколение доменщиков. В прихожей хлопнула дверь, вернулась дочь Ирина. — Вышла недавно замуж, теперь носит фамилию Кадетова. И, между прочим, хитровато улыбнулся Александр Дмитриевич, — устраивается на работу в доменный.

В. КУРКИН,

РАБОЧИЕ ДИНАСТИИ МАГНИТКИ

ИВАНОВЫ

Объектив фотоаппарата запечатлел далеко не всех представителей трудовой династии Ивановых. Александр Дмитриевич и Евгения Федоровна (в центре снимка, с внуками), рядом с ними сидят их сыновья — Дмитрий и Юрий. Во втором ряду — Валентина, жена Дмитрия, Нелля, жена Юрия, и дочери — Елена и Ирина. Фото Ю. ПОПОВА.

— **О** ДОБРЯЮ, Саша! Молодец, комсорг. Люди подходили, крепко пожимали руку, обнимали. И вот на его ладонях красная книжница с барельефом В. И. Ленина. Он — коммунист. А перед взором как бы всплыл облик отца. Александр мысленно спросил себя: «Так ли живу, верную ли дорогу выбрал в жизни», и подумалось, что одобрил бы отец его шаг. Часто вот так вел мысленный диалог Александр с отцом, как бы держал он отчет перед ним. А отчитываться, если припомнить, ему было о чем. Вроде бы совсем недавно пришел он в доменный цех зеленым юношом, а теперь рабочий стержень вырезался в характере. Был он группкомсормом, возглавлял комсомольское бюро цеха, награжден за успехи в труде медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», грамотами...

ПРОШЛО часа три как окончилась смена, но Александра Дмитриевича все еще не было. Евгения Федоровна беспокойно посматривала в окно, прислушивалась к шагам в подъезде: «Не идет ли?». Наконец, придвинула к себе телефон, торопливо набрала номер его кабинета. Гудки. Позвонила на четвертую домну, что рядом с кабинетом. В трубку ворвался гул работающей домны. — Был здесь недавно, — откликнулся горновой, — вроде бы на седьмую печь ушел... На седьмой тоже его не оказалось. — Не горюй, хозяйка. Вот выйдет цех из прорыва, минута в минуту муж дома будет, — собеседник добавил это с сочувствием в голосе, но проскользнула и нотка веселого одобрения, уважения. Вот так полностью отдавать себя делу, не жалея себя, дневать и ночевать в цехе — это в характере Иванова. Иногда рабочий день его захватывал лишнюю смену, а то и две. — Так и здоровье свое пошатнуть можно, — думала Евгения Федоровна. — Не мед рядом с таким огнем... Цех в прорыве — он там. Нормально работает — опять у него в мыслях одно: производство. Опять крепче над чертежами, где бы что усовершенствовать. Ценят его как рационализатора в доменном... Взгляд упал на подоконник. Золотятся в лучах закатного солнца, горкой ле-

что все хорошо, но разве легко развеять материнское беспокойство. Отличные подрастают сыновья. Крепкие, добрые. Новые заботы — пора им устраиваться в жизни, подыскивать работу по душе. **Н**Е ЗНАЛА Евгения Федоровна, что Юрий сделал уже выбор в жизни. Как-то перед его уходом в армию зашел к отцу в гости давний приятель, старший мастер Алексей Леонтьевич Шатилин. Давно он приглядывался к Юрке: рослый, крепкий и сообразительный — годится для доменного дела. Тогда-то он и предложил прийти в цех. «Помогу стать настоящим горновым», — пообещал Шатилин. — Обязательно приду, дядя Леша, — твердо ответил Юрий. И слово свое он сдержал. Сначала третий горновой на печи № 3, второй горновой — на десятой доменной печи, потом — старший горновой на домне № 7. Поступил на вечернее отделение индустриального техникума. — Настоящий доменщик «вырисовывается» из него, — сказал о нем А. Л. Шатилин. — Молод, но уже сейчас блещет работой, грамотен — у мастеров производства он, что горюится, нарахвал. Однажды домой к Ивановым пришла классная руководительница Дмитрия — заканчивал он уже восьмой класс. Вроде бы и сетовала учительница, но в то же время не часто сегодня такое

твоими — младшими: винцом стало пахивать, — остановил как-то Александра Дмитриевича знакомый доменщик. Крутые повороты дает иногда жизнь. Неплохо вроде бы работает младший Володя, умелец, но вот за то, что заворот стал закладывать, был коллектив на него в обиде. Разговаривал отец с ним, другие «старожилы» доменного. И теперь можно с уверенностью, судя по тому, что отзываются о нем неплохо, сказать — помогло. Увидеть в труде не просто цепь серых буден, а гораздо большее — не сразу дается это человеку. Тот смысл, который сразу и бесповоротно увидел отец и пронес без особых высоких слов через жизнь. Тот смысл, ради которого упал в морозной степи дед. Вроде бы встал на твердый путь младший, случилась неприятность со средним. В одном из ресторанов играли свадьбу Дмитрию. Торжество подходило уже к концу, жених вышел покурить. И вдруг сообщили, что разгорелся скандал, связался Дмитрий, не выдержал, ударил. Новобрачный попал в милицию — закон есть закон. В цехе, естественно, эта история вызвала резонанс, на повестку дня рабочего собрания был вынесен этот вопрос. И здесь Дмитрий поторячился, ударила в голову кровь — несколько дней не